

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

На правах рукописи

СУХРОБ РУСТАМИ

**ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ИНТЕГРАЦИОННЫХ
ПРОЦЕССАХ В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ: НАПРАВЛЕНИЯ,
ИНСТРУМЕНТЫ, РЕСУРСЫ
(НА ПРИМЕРЕ ТАДЖИКИСТАНА)**

Специальность 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Екатеринбург – 2021

Работа выполнена на кафедре теории и истории международных отношений ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Михайленко Валерий Иванович

Официальные оппоненты: **Лагутина Мария Львовна**, доктор политических наук, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», профессор кафедры мировой политики;

Троицкий Евгений Флорентьевич, доктор исторических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», профессор кафедры мировой политики;

Ковба Дарья Михайловна, кандидат политических наук, ФГБУН Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, научный сотрудник отдела философии

Защита состоится «16» июня 2021 г. в 11:00 часов на заседании диссертационного совета УрФУ 23.01.05 по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, каб. 248 (зал заседаний диссертационных советов).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» <https://dissovet2.urfu.ru/mod/data/view.php?d=12&rid=2176>

Автореферат разослан « » мая 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор политических наук, доцент

Керимов Александр Алиевич

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Распад СССР и международного социалистического лагеря полностью изменили мировую геополитическую структуру. Биполярная система миропорядка была разрушена. В результате чего произошли глобальные изменения: на обломках некогда целостного и единого государственного образования - Советского Союза, появились 15 новых независимых стран, каждая из которых выбрала свой «индивидуальный» и «суверенный» путь развития, начиная с новой политической системы государственного управления и с совершенно другим экономическим строем.

Регион Центральной Азии (ЦА) не стал исключением. Этот регион, состоящий из пяти бывших советских республик или, как еще его называют политологи, регион «станов», имея виду, что окончание названия всех стран заканчивается на «стан»: Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан и Кыргызстан.

На начальном этапе постсоветского периода, страны ЦА проводили политику дезинтеграции и децентрализации, тем самым разорвав все экономические, политические, транспортные, социальные и другие интеграционные связи, которые были созданы за семь десятилетий советской власти.

В настоящее время ЦА — это регион, в котором отсутствуют значимые субрегиональные институты, он обладает слабой региональной самобытностью и сталкивается со сложным списком политических, экономических и социальных разногласий как внутри государств, так и между ними. Неурегулированная напряженность в отношениях между центрально-азиатскими государствами по поводу границ, ресурсов и безопасности в сочетании с глубоким политическим и социальным расколом в самих государствах и геополитической конкуренцией - все это подтверждает мнение о том, что ЦА является ярким примером концепции регионального разрыва. По этому поводу можно сказать и более жестко, что центральноазиатский регион эксплуатирует остатки советской региональной идентичности, оставляя открытым вопрос о реализации новых региональных интеграционных проектов.

Тем не менее, в последнее десятилетие наблюдается тенденция к оживлению интеграционных связей и предпосылки формирования новой региональной самоидентификации. Регион ЦА находится в состоянии реформирования. Даже по поводу перечня входящих в него государств продолжается содержательная дискуссия.

В исследовании под ред. С. Кушкумбаева обращается внимание на наложение концепций внешнего и внутреннего регионализма. «Таким образом, внутреннее регионостроительство и внешнее конструирование региона зачастую не только не совпадают в пространственных пределах, но и, что важнее, в геополитических перспективах». В связи с этим возникает закономерный вопрос о том, может ли быть регион ЦА «самодостаточным и самоценным образованием» или ему суждено быть лишь частью более крупных региональных образований?

Европейский Союз (ЕС) является одним из влиятельных внешних акторов в ЦА, продвигающим собственную внешнюю региональную стратегию на экспорт (европейский интеррегионализм). Таджикистан является одновременно объектом

европейского интеррегионализма и субъектом внутрирегиональных интеграционных процессов. Исследование взаимоотношений между ЕС и Таджикистаном дает отчасти ответ на ранее поставленные вопросы.

Степень научной разработанности проблемы. В диссертационном сочинении анализируются исследования таджикских, российских и зарубежных политологов, в особенности американских и европейских, по взаимоотношениям между ЦА и ЕС, США, Россией и Китаем, региональной политике в области безопасности, интеграционным процессам и регионостроительству в ЦА. В целом, представляется возможным разделить имеющиеся работы на несколько групп по странам. *Первая группа* представлена работами **западных** политологов, экспертов и аналитиков, таких как П. Стронски, Н. Норлинг, С. Ф. Старр и Ч. Дж. Салливан, Энтони К. Бойер и Джон К. К. Дейли, М. Ларуэль, Б. Зогг, Д. Гаврилис, С. Корнелл, Й. Боонстра, К. Фраппи, К. Путц, М. Джопп, С. Саари, Ф. Индео, Э. Т. Амбросетти, С. Пейруз, Ф. Боссю, С. Бхутия, Л. Мельникова, А. Маразис, И. Оверленд, А. Феррари, А. Бор, К. Маллинсон, Ф. Олмос, Д. Дж. Льюис, Э. Вишник и С. Дж. Бланк, Р. Пантуччи и С. Лэйн. *Вторая группа* представлена работами **российских** экспертов и политологов, таких как С. М. Юн, А. Дубнов, А. Казанцев, Д. С. Попов, И. Ю. Фролова, О.Ф. Русакова, М.Л. Лагутина, Д.М. Ковба, А. А. Куртов, Д. Б. Малышева, М. Ф. Муртазин, Н. Н. Рыжичкин, И. А. Сафранчук, А. Д. Богатуров, В. В. Парамонов, Е. В. Крыжко, В. Б. Панфилова, Е. С. Алексеенкова, А. Д. Воскресенский, А. Малашенко, И.С. Савин, Е.Ф. Троицкий. Важную методологическую роль для данного исследования выполнили труды моего научного руководителя В.И. Михайленко. *Третья группа* включает работы **центральноазиатских** экспертов и политологов, таких как Ш. Асадов, Р. А. Солиев, А. Мамадазимов, Ш. Ризоен, С. Курбанов, П. Муллоджанов, М. Буриев, З. Ш. Саидов, М. Рахимов, Ф. Толипов, У. Хашимова, Н. Хасанова, С. Кушкумбаев, Н. Касенова, В. Тулешов, А. Сарым, А. Бисенова, Д. Кудайбергенова, Г. Жусипбек, Б. Бектурганова, М. Лаумулин, А. Е. Чеботарев, Е. У. Байдаров, М. Ш. Губайдуллина, А. Мусабаева, Д. Бердаков, Ш. Джураев, С. Хасанова, З. Мухаммад-Дост, А. Султонназаров, Н. Мураталиева и Д. Г. Орлов, С. Дзардановой, Р. Мухамедова, С. Айтакова. Однако в этих исследованиях политика ЕС с учетом современных теоретико-методологических подходов в отношении Таджикистана изучена недостаточно. Подробный анализ исследований по теме диссертации содержится в первой главе и позволяет сделать вывод о необходимости специального изучения построения регионализма в ЦА, а также роли и влияния ЕС, политики ЕС в Таджикистане.

Объектом исследования является европейский интеррегионализм в регионе ЦА.

Предметом исследования – направления, инструменты, ресурсы, используемые Европейским Союзом с целью конструирования региона Центральной Азии на примере отношений ЕС с Таджикистаном.

Цель исследования – выявить основные направления внешней политики ЕС в ЦА, в частности роль ЕС в интеграционных процессах центральноазиатского

региона, влияние политики ЕС в Таджикистане на участие страны в региональных процессах, и особенности взаимоотношений между ЕС и Таджикистаном.

Задачи работы:

1. На основе подобранного теоретико-методологического инструментария выявить особенности интеграционных процессов и регионализации в Центральной Азии;
2. Выявить эвристический потенциал российских, западных и азиатских теорий интеграции и регионализма на предмет их использования для раскрытия темы исследования;
3. Выявить сущность, цели, интересы, ценностные основания политики ЕС в Центральной Азии;
4. Раскрыть роль ЕС в конструировании Центральноазиатского региона;
5. Выявить влияние ЕС на политические процессы в Таджикистане, создание интеграционных институтов и их эффективность;
6. Определить роль Таджикистана в процессах регионализации и интеграции в регионе.

Научная новизна исследования заключается в комплексном изучении особенностей разработки и реализации стратегии ЕС в отношении государств ЦА (на примере Таджикистана) с момента распада Советского Союза и обретения независимости стран региона до сегодняшнего дня. В научный оборот также вводятся ранее непереведенные на русский язык источники и литература.

Основные элементы новизны заключаются в следующем:

- выявлены особенности интеграционных процессов и регионализации в Центральной Азии;
- установлен эвристический потенциал российских, западных и азиатских теорий интеграции и регионализма на предмет их использования для раскрытия темы исследования;
- выявлена сущность, цели, интересы, ценностные основания политики ЕС в Центральной Азии;
- впервые раскрыта роль ЕС как одного из лидеров в конструировании Центральноазиатского региона; установлены проблемы, тормозящие внутрирегиональную интеграцию в регионе;
- выявлено влияние ЕС на политические процессы в Таджикистане, создание интеграционных институтов и их эффективность;
- впервые выявлена роль Таджикистана в процессах регионализации и интеграции в регионе.

Эмпирическая база исследования

Ввиду сложности и многослойности предметного поля, охватывающего области политологии, международных отношений, организации структур власти и управления, регионализма, а также исключительной новизны темы, в диссертационной работе использован обширный круг современных источников. Основным источником для разработки темы послужили опубликованные законодательные и нормативно-правовые акты, официальные программно-политические документы ЕС, США, России, КНР и государств ЦА:

ЕС:

- Стратегии ЕС для ЦА – «Европейский Союз и Центральная Азия: Стратегия нового партнерства», принятая в 2007 г.; «Европейский Союз и Центральная Азия: Новые возможности для более сильного партнерства» от 2019 года.

- *законы и другие нормативно-правовые акты*, определившие развития взаимоотношений между ЕС и странами ЦА, в особенности с Таджикистаном, такие как «Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Таджикистаном и Европейским Сообществом» от 2004 г., "Многолетнюю индикативную программу на 2014-2020 годы" от 2014 г., "Стратегические рамки в области прав человека и демократии", Европейский инструмент содействия демократии и правам человека (ЕИДПЧ) от 2012 г., и другие;

США:

- Стратегия Соединенных Штатов для ЦА на 2019–2025 годы: содействие суверенитету и экономическому процветанию, от 5 февраля 2020.

Круг источников был значительно расширен за счет *зарубежных публикаций стратегического характера*:

- *государственные стратегии*, принятые в ЕС (как общесоюзные, так индивидуальные стратегии некоторых членов ЕС, например, Франции, Германии и Великобритании), США, КНР, России, Японии, Южной Кореи, Турции и Ирана.

- *стратегические документы* ЕС, в том числе Европейская стратегия безопасности 2003 г. и Глобальная стратегия ЕС по внешней политике и политике безопасности 2016 г.

Для анализа геополитической ситуации ЦА в области интеграционных процессов в диссертационной работе используются также дипломатические, законодательные, правовые акты и документы международных организаций, в которых участвуют страны ЦА напрямую или косвенно (ООН, ЕС, НАТО, ОБСЕ, ОДКБ, ЕАЭС, ШОС, ЭКО).

Хронологические рамки исследования – охватывают период от начала формирования новых независимых государств в 1991 г. по настоящее время. Нижняя граница обусловлена началом обретения независимости странами ЦА и переходом этих государств из коммунистического строя и государственно-плановой экономики и началом транзита в сторону демократизации и свободной рыночной экономики.

Географические (территориальные) рамки исследования определяются, территориальными границами пяти стран ЦА (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан и Кыргызстан). Что касается Афганистана, который многими исследователями включается в регион ЦА, то автор исходит из того, что его роль в интеграционных региональных процессах пока является неопределенной. Тем не менее, точку в этой дискуссии поставили сами руководители центральноазиатских государств. «Неотъемлемой частью нашего региона является Афганистан, - заявил в 2019 г. Президент Узбекистана.

Теоретическая и практическая значимость работы

Теоретическая значимость работы связана с апробацией наработанных теориями интеграции и регионалистики методологического инструментария для исследования региональных процессов, с верификацией теоретико-методологических подходов и с внесением собственного вклада в развитие теорий интеграции и регионалистики.

В представленной работе поднимается важная тема исследования конкурентных проектов реорганизации регионального пространства. Во главу угла поставлена политика ЕС в ЦА и конкретно в Таджикистане. Европейский интеррегионализм, один из наиболее обоснованных наряду с российским евразийским проектом (его конкретным выражением - ЕАЭС) и китайским проектом «Один пояс, один путь» (ОПОП).

Проекты отличаются ценностными основаниями, целями, формами, методами воздействия на региональные процессы в ЦА. ЕС стремится своевременно реагировать на вызовы, такие, как «арабская весна», в результате которой в ряде стран региона Средиземного моря (Middle East and North Africa, MENA) через демократические процедуры к власти пришли религиозные радикалы. «Переосмысление» (rethinking) аналитиками «арабской весны» нашло отражение в новой Глобальной стратегии ЕС 2016 г. и в Стратегии ЕС для Центральной Азии 2019 г. Таким образом, представляется возможным в результате «полевых исследований» проанализировать эффективность модели политики ЕС в Центральной Азии.

Российские и зарубежные эксперты поднимают вопрос относительно возможной «сопряженности» инфраструктурных проектов в ЦА, представленных ведущими внешними акторами. Российский Президент В.В. Путин, выступая в 2016 г. на Петербургском международном экономическом форуме, поставил вопрос о «создании большого Евразийского партнёрства с участием Евразийского экономического союза, а также стран, с которыми у нас уже сложились тесные отношения: Китай, Индия, Пакистан, Иран». «И конечно, имею в виду наших партнёров по СНГ, других заинтересованных государств и объединений»¹.

На наш взгляд, в российской и таджикской исторической и политической науке недооцениваются те политические процессы, которые происходят в государствах, в научных сообществах с момента провозглашения независимости. Во всех государствах ЦА используются разные принципы и подходы в строительстве национального государства (nation building). В связи с этим могут сложиться неодинаковые восприятия и реакции на те ценностные, идеологические и политические принципы, которые привносят внешние акторы в конкретные государства и в регион. Отсюда могут формироваться различные подходы к проектам регионального строительства.

Сформулированные в диссертационном сочинении обобщения и выводы могут быть использованы государственными институтами, политическими партиями, руководством России и стран ЦА в разработке стратегий и инициатив в создании экономических или политических сообществ между странами региона,

¹ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. Владимир Путин выступил на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума. 17 июня 2016 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/catalog/regions/SPE/events/52178/work> (дата обращения: 22.04.2021)

также они могут способствовать расширению и сближению в двустороннем и многостороннем региональном диалоге государств ЦА. Материалы исследования могут помочь в понимании особенностей европейской политики в отношении стран ЦА, интеграционного потенциала ЕС в ЦА, влияния ЕС на динамику развития региона и в обеспечении безопасности и стабильности региона. Некоторые элементы и модели институтов европейской интеграции могут стать (и уже становятся) основой для разработки программ и проектов постепенной интеграции в ЦА.

Политологический аспект диссертационного исследования определил выбор **методологических подходов и методов**:

1) Использование *системного* (в структурном и функциональном аспектах) *подхода* предполагает изучение внешней политики в отношении стран ЦА по реформированию и конструированию Центрально-Азиатского региона через призму совокупности связей и отношений разных институтов, позволяет представить их всесторонне и целостно в широком пространственно-временном контексте на конкретных материалах;

2) Разноаспектное применение *сравнительно-исторического метода* дает возможность проанализировать динамику взаимоотношений между странами ЦА;

3) С помощью *ситуативного метода* (case-study) исследуется ряд особенно важных реализованных инициатив в ЦА как в целом по региону так по отдельности с каждой страной, в которых принимал прямое и косвенное участие ЕС с конца XX века по настоящее время;

4) *Политико-культурный подход* позволяет проанализировать социокультурное измерение политики. В рамках диссертационной работы исследуются особенности деятельности центральноазиатских политических систем власти в ее странах и дееспособность их институтов с учетом своеобразия национальной культуры и идентичности;

5) *Общенаучные методы* анализа и синтеза, индукции и дедукции, конкретизации и абстрагирования были использованы при рассмотрении современных теоретических концепций интеграционных процессов, прежде всего европейского опыта, а также в ходе изучения практических шагов властей государств ЦА (консультативных встреч, совместных заявлений и т.п.) на пути интеграции.

Основные положения, выносимые на защиту

1) Несмотря на наличие ряда объективных предпосылок для формирования Центральноазиатского региона (общность исторической судьбы, культуры, религии, советского интеграционного прошлого, потребностей в развитии коммуникаций, использовании водных ресурсов, борьбы с терроризмом и наркотрафиком и др.) акторы региона не обладают достаточными собственными ресурсами и политической волей для реализации интеграционных проектов.

2) Влияние на процессы интеграции и регионализации в ЦА оказывают внешние акторы (глобальные и великие региональные державы). Соперничество между ними в регионе создает уникальную ситуацию накладывающихся один на другой интеграционных проектов (overlapping regionalism).

3) Сравнительный анализ российских, западных и азиатских теорий интеграции и регионализма позволил спрогнозировать наиболее вероятную динамику интеграционных процессов в регионе по модели «мягкого регионализма АСЕАН».

4) ЕС является одним из лидеров в конструировании Центральноазиатского региона. Принятие ЕС стратегий (2007, 2019) предназначенных для центральноазиатских стран стало серьезным стимулом для выстраивания взаимоотношений с государствами этого региона и превратилось де-факто в «мягкую» силу Брюсселя, посредством которой ЕС лоббировал и продвигал свои интересы через гуманитарные, экономические, политические проекты и инициативы, реализуемые в этом регионе.

5) В рамках Стратегии ЕС 2007 года активно экспортировались демократические ценности в регион, инициативы по созданию гражданского общества, гендерного равенства, либерализации и реформирования государственной власти и экономики, продвижения неправительственных организаций и их активного участия в жизни общества. Спустя некоторое время стало понятным и очевидным, что подход, основанный на навязывании ЕС государствам ЦА демократических ценностей, не работает и практически провалился. Критика и вмешательство во внутренние дела стран ЦА со стороны ЕС, и предоставление кредитов и грантов на «особых» условиях («больше за большее») привело к тому, что лидеры стран региона постепенно начали сворачивать европейские программы в своих странах и стали ориентироваться с Запада (ЕС) на Восток (КНР и Россия), которые, в отличие от ЕС, не выдвигали условия демократического транзита для получения кредитов, грантов, и, самое главное, не критиковали и не осуждали авторитарные режимы в государствах ЦА.

6) ЕС после многолетних неудачных экспериментов (экспорт ценностей, демократии, образа жизни, и т.п.) в отношении государств ЦА, изменил свой подход и стратегию. Объявив в качестве одного из стратегических принципов внешней политики *resilience* (стрессоустойчивость), Брюссель ставит приоритетом стабильность в регионе ЦА. Тема экспорта в регион демократических ценностей и институтов отошла на второй план.

7) Несмотря на принятие новой Стратегии ЕС в отношении Центральной Азии (2019 г.), роль ЕС в интеграционных процессах в Таджикистане выглядит более ослабленной и уступающей мощному присутствию России и КНР. Тем не менее, ЕС продолжает оставаться одним из влиятельных факторов в Таджикистане, реализующим свой опыт в создании институтов гражданского, транспортного, антитеррористического строительства.

Степень достоверности полученных результатов настоящего диссертационного исследования обеспечивается:

- отбором, осмыслением и анализом автором основных нормативно-правовых документов и аналитических материалов (статистических данных) как Европейского Союза, так и отдельных стран региона, прежде всего, Таджикистана;
- применением широкого спектра методов политического анализа, соответствующих предмету, целям и задачам исследования;

– использованием значительного количества разнообразных научных источников, критического анализа исследований о роли и месте ЕС в интеграционных процессах ЦА, в регионостроительстве и роли Таджикистана.

Апробация результатов исследования

Главные положения диссертации были опубликованы в 13 работах, в том числе в 4 рецензируемых научных журналах, определенных ВАК РФ. Основные положения данной работы докладывались на ряде международных и всероссийских конференций и научных семинаров: «Многомерность общества: цифровой поворот в гуманитарном знании», Екатеринбург, университет УрФУ, 14 марта 2019 г.; «Культура, личность, общество в современных условиях: методология, опыт эмпирического исследования», Екатеринбург, университет УрФУ, 21-23 марта 2019 г.; Международная научно-практическая конференция «Европейский регионализм: теории и практика», Екатеринбург, университет УрФУ, кафедра ТИМО, 18 марта 2019 г.; Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2019», Москва, МГУ, 11 апреля 2019 г., Международная научная конференция «Asiac Yearly Conference 2020». 3-5 декабря 2020 г., Рим (Италия) и др.

Диссертация обсуждена на заседании кафедры теории и истории международных отношений Уральского гуманитарного института УрФУ и 26 декабря 2020 г. представлена к защите.

Структура диссертации определяется целью и задачами исследования и включает введение, три главы, разделенные на параграфы, заключение, список сокращений, библиографический список (источники, литература) и приложение. Список источников и литературы содержит 177 наименования (в том числе 131 на иностранных языках). Общий объем работы – 185 страниц.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обоснован выбор темы и ее актуальность, раскрыта степень научной разработанности в отечественной, российской и зарубежной литературе, определены объект, предмет, территориальные и хронологические рамки, сформулированы цели и задачи, изложены методология и методы, аргументированы научная новизна и практическая значимость, представлены основные положения, выносимые на защиту, а также степень апробации исследования и структуры работы.

В первой главе **«Теоретические измерение региональных и интеграционных процессов в Центральной Азии»** рассматриваются теории региональной интеграции и концепции регионализма, анализируется возможность их эмпирического применения в отношении центральноазиатского региона, а в долгосрочной перспективе трансрегиональной интеграции между ЦА и Южной и Юго-Восточной Азией.

В параграфе **1.1. «Изучение интеграционных процессов в Центральной Азии»** анализируются исследования «мозговых центров» (think tanks) России, стран ЕС, ЦА, США, занимающихся непосредственно Центральной Азией.

В целом, исследования по Центральной Азии объединены на несколько групп по странам: североамериканская группа, европейская группа, центральноазиатская группа исследователей. Среди них выделим значимые для нашего исследования работы А.Д. Воскресенского и А.Д. Богатурова, под руководством которых научные коллективы вносят важный вклад в региональное измерение международных отношений.

Для понимания исторической, цивилизационной, геополитической идентификации региона ЦА как целостного «конструкта», «понятия, выдуманного и сконструированного путешественниками, исследователями, географами, историками и этнологами» является весомым вклад С. Горшениной. При этом можно согласиться с обоснованностью вывода Н.Н. Алексеевой и И.С. Ивановой, утверждающими, что регион не является устоявшимся, а переходным и процесс регионализации пространства продолжается.

Исследования узбекистанского аналитика Ф. Толипова проникнуты убежденностью, что среди государств ЦА имеется тяготение к современной центральноазиатской региональной идентичности.

Что касается оценки роли Таджикистана как регионального актора, то исследователи таджикского происхождения предпочитают демонстрировать страну как самую скромную и зависимую от остальных государств, находящуюся в тупиковом положении и имеющую протяжённую границу с беспокойным Афганистаном. Тем не менее, такие исследователи как Ш. Асадов, Р. А. Солиев, А. Мамадазимов, Ш. Ризоен, С. Курбанов, П. Муллоджанов, М. Буриев, З. Ш. Саидов вносят вклад в изучение региональной политики Таджикистана, его взаимоотношений с внешними институтами, в т.ч. с ЕС.

После обретения независимости центральноазиатскими государствами исследовательскую повестку в регионе в прогрессирующей тенденции формируют европейские и североамериканские «мозговые центры».

Прежде всего, выделяется деятельность М. Ларуэль, директор Института европейских, российских и евразийских исследований (The Institute for European, Russian, and Eurasian Studies, IERES). Автор более 400 работ, обращенных преимущественно к центральноазиатскому региону и к евразийской политике России.

В оценке процессов в регионе М. Ларуэль исходит из того, что хотя Центральная Азия во многих отношениях является мировой периферией, она становится важной на стратегической шахматной доске не потому, что является центром «Большой игры», а потому, что иллюстрирует новую сложность динамики международных отношений. В данном случае, по мнению М. Ларуэль, важное значение приобретает изучение не только политики великих держав в отношении региона, но и региональных государств в отношении каждой из этих держав. Не существует единой и согласованной внешней политики центральноазиатских государств. Особое значение приобретает изучение влияния групп лоббирования (центральных и региональных органов власти, военных и других силовых структур, деловых кругов, этнических диаспор, религиозных кругов и т.д.) на внешнюю политику.

Важно отметить, что М. Ларуэль сформировала «пул» исследователей, в т.ч. из центральноазиатского региона, которые выступают с аналитическими докладами наравне с опытными западными аналитиками.

Из европейских ученых, занимающихся углубленно политикой ЕС в ЦА можно выделить Й. Боонстра, С. Пейруз, Ф. Боссю, Б. Зогг, Д. Гаврилис, С. Корнелл, К. Фраппи, К. Путц, М. Джопп, С. Саари, Ф. Индео, Э. Т. Амбросетти.

При работе над диссертацией были использованы экспертные оценки (в форме интервью), которые автор диссертации получил непосредственно у Йос Боонстра², координатора EUCAM, бывшего руководителя программы по Восточной Европе и ЦА в FRIDE; Мерилин Йосефсон³, Главы Представительства ЕС в Таджикистане; Бориса Ярошевича⁴, руководителя отдела по Центральной Азии Европейской службы внешних связей ЕС; Альдо Феррари⁵, руководителя Программы по России, Кавказу и ЦА в миланском Институте исследований мировой политики.

В параграфе 1.2. «**Эвристический потенциал российских, западных и азиатских теорий интеграции и регионализма**» раскрывается потенциал теорий интеграции и регионализма, применяемых к региону ЦА.

Вопрос о применении европоцентричных теорий международных отношений и регионализма для исследования интеграционных процессов в ЦА продолжает оставаться дискуссионным.

К примеру, Ф. Перец Мена считает, что поскольку развитие международных отношений характеризовалось расширением «локковского центра» и интеграцией государств, таких как Франция, Пруссия, позже Япония, Советский Союз, Китай, в его экспансионистскую сеть, то на данный момент он не видит завершенной альтернативы Вестфальской концепции миропорядка. В своей внешней региональной политике (европейский интеррегионализм) в ЦА ЕС придерживается ценностных и нормативных принципов присущих вестфальскому миропорядку. Стратегия ЕС в ЦА направлена на преобразование региона посредством установления правового регулирования и стандартов.

С приходом администрации демократов к власти не исключено возвращение США к внешнеполитическому мышлению глобальными категориями.

Россия использует «мягкую силу» в ЦА через инструменты влияния евразийской интеграции, «Русского мира» или продвижения «консервативных ценностей».

Среди азиатских ученых и ряда европейских, по мнению А. Ачария, широко распространено мнение, что теории, основанные на европейском опыте, являются малопригодными для понимания азиатского регионализма и международных отношений.

В связи с этим в диссертации обращается внимание на формирование собственной «китайской школы международных отношений», которая пытается

² Интервью представлено в диссертации.

³ Интервью с Мерилин Йосефсон [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cabar.asia/ru/merilin-josefson-es-mozhet-sluzhit-primerom-dlya-regionalnoj-integratsii-tsentralnoj-azii>

⁴ Интервью с Борисом Ярошевичем [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cabar.asia/ru/boris-yaroshevich-ob-osobennostyah-politiki-es-v-tsentralnoj-azii>

⁵ Интервью с Альдо Феррари [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.caa-network.org/archives/20320>

соединить метафизическое китайское мировоззрение и национальные практики. Это ведет к противопоставлению китайского универсализма и цивилизационной исключительности западным моделям универсализма. Выражаясь образным языком, с точки зрения организации миропорядка имеет место противопоставление «мира Конфуция» «миру Локка». Реальным фактом является активное использование Китаем «мягкой силы» для обращения, прежде всего, молодого поколения из стран ЦА в сферу своих интересов. Таджикистан может стать моделью для реализации политики Китая в ЦА, которая в меньшей степени напоминает «мягкую силу» (soft power) и трансформируется в «липкую» (sticky power) силу.

Таким образом, автор учитывает конкуренцию и продвижение в регион *overlapping* (перекрывающих друг друга) внешних и субрегиональных проектов регионостроительства и региональной интеграции.

Вторая глава **«Роль Европейского Союза в региональном строительстве в Центральной Азии»** освещает место ЕС в интеграционном процессе центральноазиатского региона, в частности путем принятия и реализации стратегий направленных на консолидацию и сотрудничество между странами в решении региональных проблем и вызовов (водные и территориальные конфликты, наркотрафика, терроризм и т.д.).

В параграфе **2.1. «Особенности регионостроительства в Центральной Азии»** рассматривается формализация региона Центральной Азии.

Вслед за распадом СССР и становлением независимости и субъектности новых независимых государств начинается переформатирование региона ЦА.

Несмотря на значительные усилия, которые предпринимаются в странах региона относительно строительства национальных государств с привлечением различных аргументов – исторических архетипов, мифологии, этнической и конфессиональной и др. специфики – объединяющим региональным началом является все-таки российское имперское и советское прошлое. В связи с этим наиболее дискуссионным остается вопрос относительно включения Афганистана в регион ЦА. По мере реализации инфраструктурных проектов в Афганистане, особенно в области коммуникаций, происходит втягивание Афганистана в интеграционные проекты в ЦА, устанавливаются разнообразные связи с центральноазиатскими государствами.

Параграф **2.2. «Роль Европейского Союза в конструировании Центральноазиатского региона»** посвящен усилиям ЕС - как важнейшего триггера интеграционных процессов в ЦА.

Взаимодействие ЕС с центральноазиатским регионом значительно расширилось с начала 1990-х. А.А. Казанцев обратил внимание на политику ЕС под углом планов расширения ЕС. По его мнению, согласно используемым ЕС принципам четырех «концентрических кругов европеизации» страны ЦА и Южного Кавказа входили в третий из них по первоочередности задач расширения ЕС, в основном в контексте энергетической политики в зоне Каспийского моря. После 2004 г. регион стал восприниматься как последняя, четвертая зона европеизации постсоциалистических стран Европы.

В 1991 г. ЕС запускает программу технической помощи на постсоветском пространстве TACIS (Technical Assistance for the Commonwealth of Independent

States). Программа была нацелена на привлечение иностранных инвестиций, проведение экономических и административных реформ.

ЕС предложил программы «Транспортный коридор – Кавказ – Азия» (Transport Corridor–Caucasus–Asia, TRACECA) и «Межгосударственная транспортировка нефти и газа в Европу» (Interstate Oil and Gas Transportation to Europe, INOGATE), чтобы организовать транспортные коридоры восточным соседям, в т.ч. из ЦА, к европейским рынкам. Это был способ укрепить политическую и экономическую независимость молодых евразийских государств. Эти программы технической помощи ЕС сыграли важную роль, но они не достигли в полной мере своих основных целей влияния на политико-экономический переход и создание транспортной инфраструктуры.

Политика ЕС в ЦА: от Стратегии 2007 г. к Стратегии 2019 г.

Первая масштабная программа ЕС для региона была принята в 2007 г. - «ЕС и Центральная Азия: стратегия для нового партнерства (The EU and Central Asia: Strategy for a New Partnership)». Стратегия была обоснована в контексте более активного участия ЕС в соседнем Афганистане, распространения Европейской политики соседства (ЕПС) на Каспийский регион, постоянной поддержки ЕС реформ и модернизации постсоветских обществ в регионе, осуществления интересов ЕС в области энергетической безопасности и освоения богатых ресурсов в регионе, а также исходя из того факта, что один из главных коридоров незаконного оборота наркотиков из Афганистана в Европу проходит через этот регион.

Направлениями сотрудничества были определены: регулярный высокого уровня диалог, образование, верховенство закона, энергетика и транспорт, окружающая среда и водные ресурсы, торговые и экономические отношения, угрозы и вызовы региональной безопасности, пограничный контроль и борьба с наркотрафиком. Усиление сотрудничества в области антитеррористической деятельности планировалось через имплементацию Совместного плана действий всех центрально-азиатских государств, разработанного в рамках Глобальной контртеррористической стратегии ООН. ЕС взяла на себя обязательства содействовать развитию сотрудничества на региональном уровне через укрепление доверия между государствами региона.

С приходом в ЕС в 2019 г. нового руководства изменились подходы к реализации программ внешнего сотрудничества, что нашло отражение в изменении формулировки от «отношений донор-получатель» к «партнерству на равных» между ЕС и развивающимися странами.

В третьей главе **«Региональная политика ЕС в Таджикистане»** анализируется процесс становления взаимоотношений между ЕС и Таджикистаном на современном этапе.

В параграфе **3.1. «Взаимоотношения Европейского Союза и Таджикистан в 1991-2020 годах»** исследуются отношения между странами ЕС и Таджикистаном в период от приобретения независимости до объявления в 2019 г. второй стратегии ЕС для ЦА (*Европейский Союз и Центральная Азия: новые возможности для более крепкого партнерства*).

Первый этап взаимоотношений (1991-2007). ЕС является не основным, но важным стратегическим партнером для Таджикистана. А чем является Таджикистан для ЕС? Если опираться на классификацию, предложенную А.Д. Богатуровым, то внешняя политика Таджикистана может быть отнесена к третьему типу поведения малых и средних государств, суть которой сводится к «условно партнерскому». Государства, принадлежащие к этому типу, пытаются проводить осторожную политику дистанцирования от великих глобальных и региональных держав, в то же время поддерживая с ними хорошие отношения и занимая хотя бы небольшую нишу автономии.

Исходя из подобной модели внешнеполитического поведения, Таджикистан выстраивает свои партнерские отношения между Москвой, Пекином, Брюсселем и Вашингтоном.

Отношения между ЕС и Таджикистаном были установлены после провозглашения им независимости 9 сентября 1991 г. ЕС признал независимость Таджикистана 16 января 1992 г. Решение ЕС о признании новых независимых государств в качестве полноправных субъектов международного права было сделано 23 декабря 1991 г. При этом было выдвинуто условие, что государства должны были соответствовать демократическим критериям уважения верховенства права, прав человека и защиты прав меньшинств. Официальное признание Таджикистана было отложено на год по формальным причинам в ожидании подтверждения данных критериев.

В 2001 г. было открыто в Брюсселе Постоянное Представительство Республики Таджикистан при Европейских Сообществах в 2001 году. А в 2004 г. Европейская Комиссия открыла свое Представительство в Таджикистане.

За признанием последовали двусторонние соглашения, наиболее важным из которых стало Соглашение о партнерстве и сотрудничестве подписанное в 2004 году. Вслед за ними были подписаны Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Таджикистаном и Европейским Сообществом по атомной энергии, Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Таджикистаном и Европейским Сообществом по торговле и торговым вопросам.

Несмотря на то, что в 1992-1997 гг. Таджикистан погрузился в гражданскую войну, а офис ТАСИС в Душанбе из соображений безопасности был закрыт, сама программа не прекращала своей деятельности. Основной целью программы было ускорение процесса экономических и политических изменений в этих странах.

ЕС располагает позициями в Таджикистане благодаря острой потребности государства в европейской финансовой и технической помощи (в особенности в плане обеспечения пограничной безопасности). Однако вплоть до начала военной операции США/НАТО в Афганистане взаимодействие ЕС с Таджикистаном в сфере безопасности было незначительным, причем осуществлялось преимущественно через механизмы СБСЕ/ОБСЕ. Это во многом объясняется гражданской войной в Таджикистане и сложным процессом восстановления страны.

Второй этап взаимоотношений (2007-2018 гг.). После ратификации документа «ЕС и Центральная Азия: стратегия нового партнерства» (2007 г.) взаимоотношения между ЕС и Таджикистаном перешли на качественно новый уровень.

Стратегия рассматривалась как инструмент для укрепления политического диалога со странами ЦА на региональном и национальном уровнях. Для реализации этих целей ЕС выделил на период 2007-2013 гг. 750 млн евро, финансирование осуществлялось через Инструмент сотрудничества в области развития.

Основная часть поддержки, около 70%, направлялась на программы двусторонней помощи. Поскольку более 50% сельского населения региона проживает за чертой бедности, снижение уровня бедности путем реформирования социального сектора, включая образование, повышение стандартов жизни, особенно в сельской местности, являлось ключевым приоритетом двусторонней помощи от ЕС. Вторым аспектом двусторонней помощи стало поощрение ответственного государственного управления, демократических процессов и укрепления общественных учреждений наряду с осуществлением основных реформ инвестиционной и торговой политики. Наконец, 30% помощи было выделено для содействия более тесному межгосударственному сотрудничеству как в пределах ЦА, так и между ЦА, Южно-кавказским регионом и ЕС, особенно в энергетическом, транспортном, экологическом и образовательном секторах. Все центральноазиатские государства договорились либо начать конструктивный Диалог по правам человека с ЕС, либо продолжать его. Все центральноазиатские государства назначали Национальных координаторов по Стратегии, демонстрируя тем самым, свою приверженность и полное вовлечение в сотрудничество. Заметно углубился политический диалог на высшем уровне. Все институты, особенно Комиссия, Спецпредставитель ЕС по Центральной Азии, председательства Германии, Португалии, Словении и Франции, а также страны-члены ЕС внесли вклад в поддержание импульса Стратегии ЕС. Среди них определились ведущие координаторы по региональным инициативам.

С 2007 года отношения Таджикистана и ЕС перешли на новый этап развития, благодаря обоюдным стремлениям к продолжению политического и экономического сближения. Таджикистан продолжал нуждаться в поддержке со стороны ЕС. В свою очередь ведущие страны ЕС (ФРГ, Франция, Великобритания) проявляли заинтересованность в создании нормативной основы сотрудничества с Таджикистаном. В Стратегии 2007 г. ЕС выдвинул такие инициативы для стран ЦА, как верховенство права, поддержка образования, внедрение экологических норм и развитие водных ресурсов.

Третий этап взаимоотношений (2019-2020 гг.).

Под председательством верховного представителя ЕС Х. Боррелля 17 ноября 2019 г. состоялась 16-я ежегодная министерская встреча ЕС и Центральной Азии. В ходе встречи были обсуждены региональные и международные вопросы, представляющие общий интерес между ЕС и странами Центральной Азии. Целью встречи было продвинуть межрегиональное сотрудничество по различным вопросам, включая возможность установления связей, цифровизацию, устойчивую энергетику, безопасность, права человека и верховенство закона.

Со времени начала пандемии ЕС выделил региону ЦА более 134 млн евро для укрепления систем здравоохранения, водоснабжения и санитарии, и устранения социально-экономических последствий кризиса пандемии. Участники встречи высказались за продвижение в ЦА проектов более экологических и устойчивых

моделей развития. Они также подчеркнули важность поддержания прогресса в области верховенства закона, демократического управления, а также прав человека, включая основные трудовые права и гендерное равенство. На встрече министров ЕС объявил о запуске инициативы «Луч света» от ЕС-ООН в ЦА по искоренению насилия в отношении женщин. На очередном «Гражданском форуме ЕС в Центральной Азии», состоявшемся 27 октября 2020 г., обращалось внимание на привлечение гражданского общества и, особенно молодежи, к принятию государственных решений. Было принято решение организовать первый в истории «Экономический форум ЕС-Центральная Азия» в 2021 году. Предполагается, что Форум будет уделять особое внимание продвижению инновационного и устойчивого подхода к экономическому и бизнес-развитию с акцентом на озеленение экономики во всех ее аспектах. Участники подчеркнули необходимость активизации сотрудничества для содействия всеобщему мирному процессу и устойчивому развитию в Афганистане.

ЕС представил новый проект сотрудничества правоохранительных органов в Центральной Азии (LEICA) в области безопасности и борьбы с терроризмом.

28 ноября 2019 г. Совет Европы и Европейский Союз официально запустили региональную совместную программу в Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан), которая направлена на содействие созданию общего правового пространства между Европой и Центральной Азией и усилению защиты прав человека; содействие прозрачности и борьбе с экономической преступностью, а также содействие эффективному управлению посредством эффективного функционирования государственных институтов и государственного управления. Программа рассчитана на четыре года (2020-2023 гг.) и имеет общий бюджет около 9 млн. евро.

В параграфе **3.2. «Таджикистан как драйвер регионального сотрудничества в Центральной Азии»** анализируются особенности взаимоотношений Таджикистана с государствами Центральной Азии.

Распад Советского Союза имел катастрофические последствия для центральноазиатского региона. Острый социально-экономический кризис повлек и рост этнических, политических и экономических разногласий между государствами региона. Наиболее тяжело сказался кризис 1990-х гг. на Киргизии и Таджикистане. Что касается Казахстана, Туркменистана и Узбекистана, обладавших большими запасами газа, нефти и других природных ресурсов, разведанных ещё при советской власти и имевших организованную транспортную логистику, то эти государства сумели войти в постсоветское время с наименьшим ущербом для себя.

Растущий национальный и экономический эгоизм не позволил государствам ЦА наладить тесное социально-экономическое и политическое взаимодействие на региональном уровне. «Богатые» государства ЦА отказались налаживать равноправное взаимовыгодное сотрудничество с «бедными». Кыргызстан и Таджикистан в поисках выхода сделали ставку на развитие водной энергетики. Это вызвало резкое недовольство со стороны Узбекистана, который стремился торпедировать любые инициативы Таджикистана и Кыргызстана по строительству ГЭС.

Таджикистан расположен в самом сердце Азии, и этнические таджики расселены на территории современного Афганистана, Ирана и Пакистана. Персоязычные жители ЦА понимают друг друга. Таджикистан не отличается большой территорией, процесс структурных и экономических реформ протекает довольно вяло, международный товарооборот не отличается большими масштабами.

Таджикистан является объектом геополитических интересов ряда стран, прежде всего, России, США, Китая, ЕС, а также региональных игроков Индии, Пакистана, Ирана. Таджикистан стремится развивать равноправные партнерские взаимоотношения со всеми государствами.

Согласно Концепции внешней политики Таджикистана, утверждённой Указом Президента от 27 января 2015 г., основные внешнеполитические интересы государства определяются как «обеспечение национальной безопасности и суверенитета Таджикистана, создание пояса безопасности и добрососедства на границах государства; развитие отношений доверия и партнёрства со всеми странами мира; обеспечение энергетической независимости и продовольственной безопасности, развитие внешних коммуникаций; защита прав и свобод граждан, укрепление авторитета Таджикистана, как демократического, правового государства; содействие соотечественникам за рубежом».

Таджикистан развивает двусторонние отношения с региональными партнерами и принимает участие в субрегиональных встречах на высшем уровне и развитии межгосударственных инфраструктурных проектов, в т.ч. с включением в них Афганистана. Усиление сотрудничества между Таджикистаном и Узбекистаном, по сути, может сыграть судьбоносную и ключевую роль для регионального сотрудничества в ЦА.

В **Заключении** приводятся основные выводы автора относительно внешней политики ЕС в ЦА, в частности в интеграционных процессах данного региона, также ее взаимоотношениям с Республикой Таджикистан.

В течение трех десятилетий после обретения независимости в государствах ЦА произошли существенные трансформации, но ни одна из задач создания устойчивых государств не решена полностью. Сам регион находится в поисках обоснования собственной идентичности. По степени влияния на региональные процессы ЕС уступает более влиятельным игрокам, таким, как Китай и Россия. Тем не менее, ЕС обладает значительными ресурсами, привлекательными инвестиционными проектами, использует мягкую и нормативную силу, которые позволяют оказывать существенное влияние на национальные и региональные процессы.

Используя методы сравнительного анализа документа «ЕС и Центральная Азия: стратегия для нового партнерства (The EU and Central Asia: Strategy for a New Partnership)» и документа 2019 г. «ЕС и Центральная Азия: новые возможности для более сильного сотрудничества» (The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership) автор устанавливает содержание и динамику основных целей ЕС и используемого инструментария в регионе. Так, Стратегия ЕС 2007 г. принималась в условиях доминировавшего оптимизма в политических и научных европейских кругах относительно возможной конвергенции авторитарных режимов

в демократически центричный западный мир и демократического транзита новых независимых государств.

Европейская аналитика откликнулась на последствия «арабской весны» европейская аналитика откликнулась «переосмыслением» (rethinking) своей глобальной стратегии. В принятом в 2016 г. документе акцент внешней региональной политики ЕС в отношении недостаточно демократических государств перенесен на достижение ими «стрессоустойчивости» (resilience). В 2019 г. это понятие было дополнено «взаимосвязанностью» (connectivity), которую определяют как «физическую и нефизическую инфраструктуру, через которую товары, услуги, идеи и люди могут беспрепятственно перемещаться». Стратегия ЕС 2019 г. в отношении ЦА меньше уделяет внимания, чем предшествующая, вопросам экспорта европейских ценностей и больше акцентирована на проблемах стрессоустойчивости (resilience) государств ЦА и поощрении внутрирегиональной интеграции. Стимулирование участия гражданского общества в принятии государственных решений рассматривается как способ обеспечения устойчивости модернизационных процессов в ЦА. Развитие регионального сотрудничества определено как сквозной пересекающийся приоритет (cross-cutting priority). Стратегия ЕС в ЦА согласовывается с другими документами ЕС и ООН, например с Европейским консенсусом по развитию, Целями устойчивого развития и с Повесткой по устойчивому развитию 2030.

В регионе геополитически присутствуют великие и крупные региональные державы, такие, как Китай, США, ЕС, Россия, Индия, Турция, Иран, Республика Корея, Япония. Это объективно ведет к возникновению в этом «уголке» больших игр, даже если центральноазиатские государства находятся полностью под контролем местных элит. Автор считает возможным в регионе ЦА использование «третьих стратегий» или «сопряжения» интеграционной политики. Пока на уровне практической реализации заявления об этом носят чисто декларативный характер. На данный момент ЦА является «открытым регионом», находящимся в стадии формирования. Автор полагает, что государства ЦА уже созрели и готовы к постепенному и поэтапному региональному сотрудничеству. Интеграционный процесс в ЦА может использовать опыт модели «мягкого регионализма», например, «Асеановский путь», который характеризуется гибкостью, использованием консенсуса при принятии интеграционных решений, уважением суверенитета участников интеграции. Страны ASEAN выстраивают отношения с крупными глобальными и региональными акторами через коллективные интеграционные механизмы.

ЕС является не основным, но важным стратегическим партнером для Таджикистана. Тем не менее, ЕС располагает позициями в Таджикистане благодаря острой потребности государства в европейской финансовой и технической помощи (в особенности в плане обеспечения пограничной безопасности). В диссертации прослеживается динамика реализации двусторонних проектов ЕС-Таджикистан. ЕС реализует в Таджикистане ряд инфраструктурных проектов в областях транспорта, энергетики, торговли, окружающей среды, развития сельских районов, здравоохранении, образовании и профессиональной подготовки. Важно отметить, что новые инфраструктурные программы выходят за пределы одного государства и

являются, по существу, интеграторами регионального сотрудничества, а гуманитарные проекты находят место в Национальной стратегии развития Таджикистана до 2030 г.

Прогнозы и предложения.

Автор разделяет господствующие в современной регионалистике выводы о том, что процесс деглобализации и распада однополярности будет сопровождаться усилением региональной интеграции («мир регионов»), что наряду с западными теориями регионализма будут наращивать свой эвристический потенциал незападные теории, усилится конкуренция и соперничество интеграционных моделей.

Процесс интеграции государств ЦА будет неравномерным по скорости его осуществления и заинтересованности его участников. «Жесткие» интеграционные модели, которые попытаются навязать отдельные внешние акторы, будут саботироваться региональными участниками процесса.

Предпочтение со стороны региональных государств будет отдаваться «перекрывающим друг друга проектам» (overlapping regionalism).

Возможна смена региональных лидеров интеграционного процесса и выход на первый план Узбекистана и Туркменистана наряду с Казахстаном.

Драйверами развития межгосударственных связей выступают инфраструктурные проекты, основными инвесторами которых заявят о себе Китай, ЕС, Россия, страны Персидского залива (ССГПЗ). Усилится конкуренция и соперничество между внешними акторами за влияние в регионе. Получат дальнейшее распространение синергетические действия внешних акторов, например, ЕС и Китая, Японии и ССГПЗ, по отдельным инфраструктурным проектам регионального сотрудничества. Обострится соперничество между глобальными и региональными державами за человеческий капитал в регионе (благоприятный имидж, стиль, качество и образ жизни).

ЕС будет продолжать инвестировать в экономику, транспортные и промышленные инфраструктуры, в человеческий капитал в ЦА, одним из партнеров сотрудничества будет оставаться Таджикистан.

III. ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

а) публикации в рецензируемых научных изданиях, определенных ВАК при Минобрнауки России и Аттестационным советом УрФУ:

1. *Сухроб Р.* Взаимоотношения Европейского Союза и Таджикистана в 2007-2019 годах / Р. Сухроб // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2020. №1 (82). С. 185 – 196 (0,75 п. л.)

2. *Сухроб Р.* Таджикистан – особенности взаимоотношений с государствами Центральной Азии / Р. Сухроб // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2020. №3 (84). – С. 152-166 (0,9 п. л.)

3. *Сухроб Р., Михайленко В.И.* Роль Европейского Союза в конструировании Центрально-Азиатского региона / В. И. Михайленко, Р. Сухроб // Известия

Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. — 2019. — Т. 14, № 4 (194). — С. 100-114 (0,8/0,5 п. л.)

б) другие публикации

4. *Сухроб Р., Михайленко В.И.* Внешние триггеры интеграционных процессов в Центральной Азии / В.И. Михайленко, Р. Сухроб // История и современное мировоззрение. 2021. № 1. С. 59 – 70. (1,3/0,7 п.л.)

5. *Сухроб Р.* Зарубежная аналитика об интеграционных процессах в Центральной Азии / Р. Сухроб // Central Asian Analytical Network. 2020. URL: <https://caa-network.org/archives/20098>

6. *Сухроб Р., Михайленко В.И.* Центральная Азия как интеграционный проект в условиях неопределенности / В.И. Михайленко, Р. Сухроб // История и современное мировоззрение. 2020. № 3. С. 44 – 53. (1,2/0,6 п.л.)

7. *Сухроб Р.* Центральная Азия – несложившаяся интеграция? / Р. Сухроб // Central Asian Analytical Network. 2020. URL: <https://caanetwork.org/archives/19909>

8. *Сухроб Р.* Таджикистан и Узбекистан как возможные драйверы регионального сотрудничества в Центральной Азии / Р. Сухроб // Central Asian Bureau for Analytical Reporting. 2020. URL: <https://cabar.asia/ru/tadzhikistan-i-uzbekistan-kak-vozmozhnye-drajvery-regionalnogo-sotrudnichestva-v-tsentralnoj-azii>

9. *Сухроб Р.* Проект железной дороги ТАТ: дорога, построенная никогда / Р. Сухроб // Central Asian Bureau for Analytical Reporting. 2020. URL: <https://cabar.asia/ru/proekt-zh-d-tat-doroga-postroennaya-nikogda>

10. *Сухроб Р.* (Рустами С.) Проект САWЕСООР: вода как фактор, объединяющий Центральную Азию / С. Рустами // Европейский регионализм: теории и практика: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Екатеринбург, 18–19 марта 2019 г.). — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2019. С. 111-114 (0,25 п.л.)

11. *Сухроб Р.* Взаимоотношения Европейского Союза и Таджикистана в 1991-2007 годах / Р. Сухроб // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2019. №2 (59). С. 68 – 75 (0,5 п.л.)

12. *Сухроб Р., Михайленко В.И.* На пути к новой стратегии Европейского Союза для Центральной Азии / В.И. Михайленко, Р. Сухроб // История и современное мировоззрение. 2019. №3. – С. 95-102 (0,5/0,3 п.л.)

13. *Сухроб Р.* Реализация программы Европейского Союза по содействию управления границами в Центральной Азии (на примере Таджикистана) / Р. Сухроб // International Scientific Review of the Problems of Law, Sociology and Political Science. Collection of scientific articles VIII International correspondence scientific specialized conference. Boston, USA, 29–30 January 2019. Problems of Science, 2019. С. 35-46 (0,7 п.л.)